

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

© 2013 г. Расул Магомедович Акутаев¹, Иза Расуловна Акутаева²

Краткая аннотация: статья посвящена анализу некоторых вопросов взаимодействия теневой экономики и латентной преступности на примере Республики Дагестан.

Annotation: the article is devoted to analysis of some issues of interaction between the shadow economy and latent crime on the example of the Republic of Dagestan.

Ключевые слова: теневая экономика, латентная преступность, коррупция.

Key words: the shadow economy, latent crime, corruption.

Наличие глубокой взаимосвязи между состоянием экономического развития и преступностью вполне очевидно и признается по существу всеми специалистами. В разного рода экспертных оценках и в криминологических источниках встречаются даже математические закономерности этой взаимосвязи, одним из которых является влияние безработицы на преступность. Так, установлено, что повышение её уровня на 1% способствует росту преступности на 5%³. Очевидно, речь в данном случае идет о фактическом или реальном положении дел как с безработицей, так и с преступностью. Между тем криминологи, как правило, имеют дело с официально зарегистрированными данными, которые существенно разнятся со сведениями о реальном положении дел. Вот почему анализ статистических данных свидетельствует о том, что указанная выше закономерность действует не повсеместно, а, скажем, имеет свои региональные черты и особенности⁴.

Убедительным примером сказанному может служить Республика Дагестан, где в последнее время наблюдается высокий уровень безработицы при одновременном и заметном снижении

показателей преступности. Если взять за основу статистические данные динамики развития безработицы и преступности в регионе за последние 10 лет (см. табл. 1 и 2), то эти показатели в том плане, как это должно было бы быть согласно установленной закономерности, несколько между собой не коррелируют. Более того, в ряде случаев между уровнем безработицы и состоянием преступности в регионе можно наблюдать обратную пропорциональную зависимость. Так, при спаде уровня безработицы в Дагестане за период с 2004 по 2007 г. на семь с лишним процентов уровень преступности, напротив, показывает рост на 23.1 %, т.е. почти на четверть (!). Аналогичную, т.е. обратную, зависимость можно наблюдать и при сравнении официальных показателей за 2009–2010 гг. Здесь уже повышение безработицы на более чем 1.5% привело к спаду показателей официально зарегистрированной преступности примерно на 7%. И это вместо ее роста примерно на ту же величину, если исходить из требований общей закономерности, да и просто – здравого смысла.

О чем свидетельствуют приведенные цифры? Только ли о том, что для республики не характерна данная закономерность, которая, как уже было сказано, является общей закономерностью для большинства субъектов Российской Федерации? Такой вывод вполне мог бы считаться правомерным, если бы не было никаких сомнений в объективности и достоверности тех цифровых данных, которыми мы вынуждены оперировать. Однако что-то мешает признать их таковыми. Да и только ли цифры тому виной?

Дело, очевидно, в том, что наряду с официальной экономикой функционирует и широко развитая сеть теневой экономики, масштабы

¹ Заместитель Председателя Конституционного суда Республики Дагестан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (E-mail: akutaevrm@mail.ru).

² Помощник судьи Конституционного суда Республики Дагестан.

³ Об этом, в частности, было заявлено в одном из выступлений экс-министра внутренних дел России Р.Г. Нургалиева (см.: Превентивный удар МВД // Росс. газ. 2005. 9 авг.; Окружно В.Ю. Современное мошенничество: криминологическая характеристика и предупреждение. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2009. С. 148).

⁴ Не беремся утверждать о положении дел в целом по Российской Федерации, так как это не относится к предмету настоящего исследования, особенно экономическая сторона вопроса.

Таблица 1

**Усредненные статистические данные о занятости и безработице
в Республике Дагестан по годам**

Год	Экономически активные	Занятые	Безработные	Уровень безработицы
2011	1 303 000	1 136 000	167 000	12.80
2010	1 227 000	1 045 000	182 000	14.84
2009	1 272 000	1 104 000	168 000	13.20
2008	1 291 000	1 118 000	173 000	13.38
2007	1 233 000	984 000	249 000	20.16
2006	1 206 000	937 000	269 000	22.31
2005	1 175 000	913 000	262 000	22.26
2004	1 090 000	793 000	297 000	27.22
2003	1 031 000	819 000	212 000	20.56
2002	1 077 000	817 000	260 000	24.13

Таблица 2

**Показатели состояния официально зарегистрированной преступности в Российской Федерации и в
Республике Дагестан за 2002 – 2011 гг.**

Год	2011	2010	2009	2008	2007	2006	2005	2004	2003	2002
Российская Федерация	2404.8	2628.8	2994.8	3209.9	3582.5	3855.4	3554.7	2893.8	2576.4	2526.3
Республика Дагестан	12.550	11.640	12.437	12.241	14.730	16.496	13.658	11.223	12.200	11.400

которой в некоторых регионах вполне сопоставимы между собой. В целом же по Российской Федерации, даже по официальным данным Росстата, доля ВВП (валового внутреннего продукта), приходящаяся на теневой сектор, составляет 25%⁵. Что касается Республики Дагестан, то положение здесь более напряженное, если не сказать – удручающее. По оценкам специалистов, в частности члена Экономического совета при Президенте Республики Дагестан проф. А. Ахмедуева, теневая экономика в республике составляет от 40 до 60% ВРП, а в отдельных сферах, таких как торговля, доходит до 75%. Косвенным подтверждением этому могут служить налоговые доходы, которые в республике составляют 5.2 ВРП (2009 г.), в то время как в целом по Российской Федерации – 13.4%⁶. На 10 тыс. человек населения в России приходится 113 малых предприятий, в Северо-Кавказском федеральном округе – 37, а в Дагестане – 15, т.е. примерно 2/3 малых предприятий

республики не зарегистрированы и функционируют в теневом режиме⁷.

Изложенное свидетельствует о том, что довольно широкие слои трудоспособного населения, официально признанные безработными, сферой приложения своего труда выбирают теневую экономику. И поскольку эти лица официально не связаны с общественным или частным производством, то они подпадают под категорию безработных, хотя признавать их фактически безработными, наверное, не совсем правильно. Особенно такая практика распространена среди лиц, занятых возделыванием и реализацией фруктов и овощей на приусадебных и иных земельных участках и дачах либо занимающихся незаконными видами деятельности (скупка и продажа краденого, занятие проституцией, продажа наркотиков и т.д.). И те, и другие осуществляют свою деятельность без официальной регистрации, что для них, как и многих других лиц, представляется вполне естественным явлением.

Кроме того, наряду с официально учтенной преступностью существует и латентная преступ-

⁵ См.: *Выжуртович В.* Корзина счастья // Росс. газ. 2012. 3 авг. Правда, по оценкам МВД РФ теневая экономика в целом по стране составляет 40 % (см.: *Гадисов Д.* Чем опасны любители “тени” // Дагестанская правда. 2012. 8 сент.).

⁶ См.: *Гадисов Д.* Указ. соч.

⁷ См.: *Полянский А.* О том, как я был Навальным... // Черновик. 2012. 14 сент.

ность, уровень которой в разы превышает официальные статистические показатели. Полагаем, не разобравшись, хотя бы в общих чертах, с указанными явлениями, было бы не совсем верно рассуждать о закономерностях влияния экономики на преступность, поскольку это влияние сказывается не только на легальной, но и на латентной части преступности.

Начнем с теневой экономики, обратив особое внимание на понятие искомого явления и основные формы ее проявления. При этом постараемся расставить, акцентировать внимание на ее особенностях применительно к исследуемому региону.

Понятие теневой экономики отличается заметным многообразием, что, на наш взгляд, связано как со сложностью самого определяемого явления, так и с особенностями исследовательского подхода к нему, отправной точкой зрения (научной позицией) самого исследователя. Так, например, можно выделить учетно-контрольный подход, согласно которому теневая экономика – это не учитываемые официальной статистикой и бесконтрольные со стороны общества производство, потребление, обмен и распределение материальных благ. Обращает на себя внимание, если можно так выразиться, и психолого-этический подход к определению теневой экономики: все виды деятельности, направленные на формирование или удовлетворение потребностей, культивирующих в человеке различные пороки⁸.

Каждая из этих точек зрения, как и многие другие, безусловно, имеет право на жизнь, поскольку отражает свои аспекты и специфические стороны рассматриваемого социального явления. Однако в данном случае нас в большей степени интересует вопрос о криминологическом содержании искомого понятия. Если с этой точки зрения попытаться определить теневую экономику, то последняя в самых общих чертах включает всю совокупность незаконной экономической деятельности, подпадающей под соответствующие виды преступлений (в более широком социально-правовом контексте – правонарушений), которая в большинстве своем остается латентной для правоохранительных и контрольно-надзорных органов государства и, соответственно, не учитывается ими.

В связи с изложенным определением теневой экономики напрашивается ее классификация как вида экономической деятельности на преступный

и не преступный характер. Правда, это не исключает возможности их трансформации от одного к другому. Как правило, на этот процесс оказывает влияние степень общественной опасности наступивших последствий, в частности сумма причиненного ущерба, например достижение крупного или особо крупного ущерба от незаконных действий в сфере теневой экономики.

Следует выделить и другие основные формы проявления теневой экономики, в чем нам может помочь соответствующая разработка ООН по ее классификации. Согласно ей неофициальный сектор включает в себя следующие виды деятельности:

- *скрытая*, т.е. официально не учитываемая деятельность в рамках формализованных структур и процедур. Может осуществляться с целью уклонения от уплаты налогов, социальных взносов или других обязательных платежей в государственную казну, например подпольное производство алкоголя или выдача заработной платы в конвертах;

- *неформальная* – законодательно разрешенная, но не учитываемая деятельность неформальных структур (например, когда парикмахер, столяр, маляр, сантехник и т.д. без официального оформления своей деятельности занимаются оказанием платных услуг);

- *нелегальная* или законодательно запрещенная деятельность (проституция, незаконная продажа оружия, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, и т.д.)⁹.

Предложенная классификация в большинстве случаев позволяет дифференцировать теневую экономику на определенный вид незаконной экономической деятельности. Тем не менее, надо понимать, что в известной мере она носит условный характер. Практика показывает, что в реальной жизни все эти виды незаконной экономической деятельности могут проявляться одновременно, как бы дополняя друг друга. Одним из наглядных и типичных примеров изложенного в рассматриваемом регионе может служить практика по разработке сырьевых ресурсов. Так, по данным специалистов, в Дагестане легально, полуполюгально или совершенно нелегально действуют около 210 заводов по производству кирпича методом обжига. Из них зарегистрировано не более 20, и лишь 14 платят налоги¹⁰. Из интервью депутата Народного собрания Республики Дагестан (ныне

⁸ См. об этом: <http://www.toptrainer.info/ekonomika/tenevaya-ekonomika-v-rossii/all-pages.html>

⁹ См.: <http://bank.ru/publication/show/id/9304/>

¹⁰ См.: Агаев М. Закон не кирпич // Черновик. 2011. 2 сент.

министр промышленности, энергетики и связи) М. Насрутдинова можно судить о масштабах латентного воровства природного газа на этих предприятиях. По его оценкам, любой мало-мальски работающий кирпичный завод потребляет минимум 150 тыс. куб. м. газа (а обычно – 200–300 тыс. куб. м.). Официально же, по отчетным данным, проходит не больше 40 тыс. Нельзя не отметить и значительный разбой удельного расхода газа на обжиг одного условного кирпича на разных заводах. Если считать по показаниям заводских счетчиков, то они разнятся в пять раз: одним достаточно 0.4 куб. м., другие для производства одного кирпича сжигают 2 куб. м. газа.

Обращает на себя внимание и пренебрежительное, если не сказать – варварское, отношение к экологическим нормам. Дело в том, что за каждым кирпичным заводом закреплены по 2–3 глиняных карьера – огромные котлованы шириной до 150 м. в диаметре и глубиной до 25–30 м., которые со временем заполняются грунтовыми водами и превращаются в гигантские мусоросборники. Разумеется, обо всем этом не могут не знать руководители соответствующих сельских и районных поселений. Но, как ни странно, никому до этого нет дела, никто этому не противодействует, в том числе и правоохранительные органы, что не может не свидетельствовать о наличии коррупционных связей между ними и руководителями кирпичных заводов¹¹.

Своеобразным, если можно так выразиться, пределом безнравственности всего этого беззакония является тот факт, что огромный долг перед поставщиками газа, который составляет 10.23 млрд. руб., перекладывается на плечи населения – свыше 9 млрд. руб. Это делается лobbистами-газовщиками путем завышения норм потребления газа населением, которые к тому же утверждаются постановлением правительства республики. Из этого количества “потребленного” населением газа есть возможность продать его руководителям кирпичных заводов и иже с ними. Удел же рядовых граждан – получать и оплачивать квитанции о вымышленных долгах перед газовщиками (энергетиками и др.).

Вызывает повышенную озабоченность и положение дел с хищением нефти и нефтепродуктов. Если по всем республикам Северо-Кавказского федерального округа набирается менее 10 врезок в магистральные нефтепроводы в год, то в Дагестане доходит до 40–50. Дагестан входит в

тройку регионов, где официально регистрируется наибольшее количество врезок¹².

Проведенный контент-анализ материалов прессы свидетельствует¹³, что из года в год не только растет прямой ущерб, наносимый расхитителями нефти, но и совершенствуется их преступное ремесло, профессиональные навыки, все более дерзкими и циничными становятся преступления в отношении тех, кто препятствует этому. Так, в июле 2012 г., после двух неудавшихся вооруженных попыток убийства (в первый раз стреляли, во второй – пытались подорвать) был убит ведущий специалист по организации охраны объектов объединенного отряда службы безопасности “Дагестан”, активный участник борьбы с незаконными врезками в магистральные нефтепроводы С. Сайпудинов¹⁴. Это случилось несмотря на то, что незадолго до убийства руководство по безопасности “Транснефти” обратилось к президенту Дагестана и министру внутренних дел республики, выразив крайнюю обеспокоенность безопасностью магистральных нефтепроводов на территории республики. По их мнению, такое положение дел, в частности, связано с недостаточной эффективностью работы некоторых республиканских правоохранительных органов, вследствие чего компания *ежедневно* (курсив наш. – Р.А., И.А.) теряет около 240 тыс. долл.¹⁵

В качестве примера проявления теневой экономики в регионе мы обратили внимание на положение дел лишь в двух областях неформального сектора экономики, хотя состояние дел с розничными рынками, с автозаправочными станциями¹⁶, подпольным производством алкоголя, разработкой песка, щебня, с незаконным строительством, особенно в рекреационной зоне – на побережье Каспия, и в ряде других сфер хозяйствования так-

¹² См.: *Серегина Д.* Что под рисовыми чеками // Дагестанская правда. 2011. 15 дек.

¹³ См., в частности: *Нефтяные страсти* // Дагестанская правда. 2008. 14 марта; *Селев Я.* Нефтяной соблазн // Там же. 2011. 14 июля; *Алексеева А.* Куда ведет отвод? // Там же. 2011. 15 ноября; *Сварожич А.* Сохраняя “черное золото”... // Черновик. 2011. 2 дек. и др.

¹⁴ *Сергунова Д.* Нефтепровод: усилить охрану и сберечь // Дагестанская правда. 2012. 10 авг.

¹⁵ “Транснефть” пожаловалась президенту Дагестана на незаконные врезки // <http://www.izvestia.ru/news/498279>

¹⁶ Следует обратить внимание на то, что на территории республики действуют свыше 800 автозаправочных станций, у которых суммарная выручка от реализации продукции с учетом объемов розничной торговли, по расчетам специалистов, должна составить более 12 млрд. руб. Однако автозаправочными станциями, применяющими упрощенную систему налогообложения, уплачено в бюджет в 2007 г. около 16 млн руб., или 0.1% от объема выручки (см.: Новое дело. 2008. 26 сент.).

¹¹ См.: там же.

же вызывает повышенную озабоченность и тревогу в республике¹⁷. Такое стало возможным в силу низкой эффективности деятельности не только правоохранительных, но и контрольно-надзорных органов. Все они в той или иной степени попустительствуют и, следовательно, прикосновенны к латентной преступности, связь которой с теневой экономикой во всех приведенных случаях самая что ни на есть непосредственная. С одной стороны, теневая экономика сама выступает формой проявления латентной преступности, особенно нелегальная ее разновидность, с другой – неформальный сектор экономики создает питательную, комфортную среду для латентной преступности, прежде всего латентности преступлений в сфере экономики. Таким образом, мы сталкиваемся со своего рода имманентной взаимосвязью между теневой экономикой и латентной преступностью. В этой связи необходимо вкратце изложить нашу точку зрения на понятие латентной преступности, ее разновидности и примерные масштабы.

По поводу понятия латентной преступности в криминологической литературе можно встретить разные точки зрения¹⁸. Не вдаваясь в их подробный анализ, вкратце изложим нашу точку зрения по данному вопросу, указав при этом на основные формы ее проявления. В самом общем плане *под латентной преступностью следует понимать совокупность преступлений и преступников, деяния которых не повлекли за собой мер уголовно-правового реагирования и преследования со стороны компетентных органов, осуществляющих привлечение виновных лиц к ответственности.*

Из приведенного определения латентной преступности следует, что она может быть представлена двумя группами совокупности преступлений – естественно-латентных и искусственно-латентных. Условно говоря, *первая группа* образует совокупность *скрытых*, а *вторая – сокрытых* преступлений. Применительно к теневой экономике не будет ошибочным утверждение о том, что искусственная латентность, или совокупность сокрытых преступлений, является здесь преобладающей частью латентности. Трудно представить себе ситуацию, чтобы, начиная с

участкового инспектора полиции и работников администрации соответствующего поселения и кончая руководством правоохранительных и контрольно-надзорных органов, никто не знал о положении дел на подведомственных им территориях. Иное дело, что они не хотят замечать имеющие место правонарушения и преступления, им это попросту не выгодно в силу коррупционных связей с “теневикиами”. Во многом этим объясняется тот факт, что при наличии в республике более 40 республиканских и федеральных контрольно-надзорных органов результат их деятельности, по существу, нулевой. Такое положение дел официально было признано прежним руководителем республики¹⁹. С тех пор мало что изменилось. По-прежнему некоторые территориальные подразделения федеральных органов (в частности, были названы Росимущество, Роснедвижимость, Росреестр) руководством республики рассматриваются в качестве главных рассадников коррупции в регионе²⁰.

Между тем масштабы латентной преступности не только поражают воображение, но и имеют тенденцию к росту. Так, показатели латентности совершенных преступлений по стране достигают 24–26 млн преступлений в год²¹, в то время как ежегодно за последние пять лет официально регистрируется от 2.4 до 3.5 млн преступлений (см. табл. 2 на с. 63).

Если в рассматриваемом плане оценить положение дел в республике, то по результатам последних исследований до 90% всех совершаемых здесь преступлений остаются латентными. Как видим, ситуация в борьбе с латентной преступностью весьма не простая. Ее решение представляется крайне сложной задачей, требующей неординарных и решительных действий. Необходимо воспользоваться взаимосвязью теневой экономики и латентной преступности, что нередко (и не без основания) воспринимается как одно и то же.

Не претендуя на универсальность предлагаемых мер, тем не менее в первую очередь следует предпринять усилия к выведению неофициально-

¹⁷ Еще одним примером могут служить перевозки пассажиров. Так, по мнению независимых экспертов, в 2008 г. налоговый потенциал данного вида деятельности в целом по республике составлял более 700 млн руб., в то время как в бюджет республики поступило лишь 26 млн (3.7 %) (см.: Гордеев И. Колёса на противохлопе // Черновик. 2012. 14 сент.).

¹⁸ Их подробный анализ см.: Акутаев Р.М. Проблемы латентной преступности. Учебн. пос. Махачкала, 2009. С. 13–25.

¹⁹ См.: Гасайниев Г. КПД проверок – нулевой // Дагестанская правда. 2009. 26 марта.

²⁰ Президент республики обратил внимание на проблему злоупотреблений с выделением и использованием земельных участков, в том числе и земель рекреационного назначения (см.: Дагестанская правда. 2011. 16 нояб.).

²¹ Это – данные исследования, проведенного под руководством проф. С.М. Иншакова (см.: Исследование латентной преступности. Материалы “круглого стола” / Отв. ред. С.М. Иншаков. М., 2010.; Иншаков С.М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии. М., 2012. С. 145–211).

го сектора экономики из тени, прежде всего скрытой и неформальной частей теневой экономики. Это даст возможность эффективнее управлять социально-экономическим развитием, полнее оценивать фактическое состояние и регулирование экономики в целом и предпринимательской деятельности, в частности, повысить занятость населения и его жизненный уровень, расширить налоговую базу.

В сложившейся ситуации неформальный сектор экономики искажает все макроэкономические показатели, негативно сказывается на оценке состояния и прогнозирования развития экономики, дезориентирует органы власти всех уровней, порождает и питает коррупцию. В связи с этим легализация теневой экономики является одной из важнейших стратегических задач на ближайшую и долгосрочную перспективу, в том числе и в противодействии латентной преступности. Без легализации теневой экономики борьба с латентной преступностью, и в частности с коррупцией, которая составляет существенную ее часть, бесперспективна. Необходимо глубокое осознание того, что теневая экономика, находясь вне поля правовой защиты, способствует разрастанию коррупции. Она создает устойчивый спрос на коррупционные услуги и воспроизводит адекватные силы зараженных бациллой коррупции чиновников разного уровня.

В борьбе с теневой экономикой и латентной преступностью важно добиться существенного улучшения деятельности всех судебных, правоохранительных и контрольно-надзорных органов, повысить эффективность и результативность их деятельности. Однако приходится констатировать, что по-прежнему деятельность указанных органов в нашем регионе оставляет желать много лучшего. В этом плане весьма симптоматичны данные, которые были приведены бывшим полномочным представителем президента в Южном федеральном округе Д. Козаком. Так, если в Ростовской области затраты бюджетных средств на раскрытие одного преступления составляли 46 тыс. руб., то в Дагестане – 835 тыс. (!). По результатам опроса, проведенного Федеральным агентством правительственной связи и информации (ФАПСИ), 88% респондентов-дагестанцев не верят в эффективность деятельности милиции (ныне – полиция), прокуратуры и ФСБ²².

²² См.: *Салахбеков Р.* Глава Дагестана раскритиковал силовиков // Новое дело. 2006. 1 сент.; Сомнения в эффективном расследовании, в том числе преступлений террористического характера, в регионе выразил на пресс-конференции заместитель начальника управления Генпрокуратуры РФ в

Убеждены, что аналогичные опросы, проведенные в наши дни, подтвердили бы сложившееся мнение. Косвенно об этом свидетельствуют многочисленные факты посягательств на работников силовых структур, в первую очередь на работников правоохранительных органов²³, в основе которых не только экстремистские мотивы, но и мотивы личной мести за, мягко выражаясь, незаконное, а то и циничное, умаляющее человеческое достоинство обращение с задержанными и подследственными лицами. Разумеется, применение подобных методов воздействия не может способствовать приумножению элементарного доверия граждан (очевидно, об уважении здесь и речи быть не может) к правоохранительным органам. Напротив, оно еще сильнее и глубже подрывает это доверие, противопоставляет правоохранительные органы населению, порождая неприязнь к их работникам. При этом следует помнить, что от 80 до 90% всей доказательственной базы относят к показаниям свидетелей и потерпевших лиц²⁴. Казалось бы, не кто иной, как потерпевшие лица (физические и юридические) по характеру своего процессуального положения должны быть союзниками правоохранительных органов. Однако низкий уровень раскрываемости даже тех преступлений, которые зарегистрированы, не говоря уже о естественно-латентной ее части, вкупе с низкими показателями по возврату украденных или растраченных средств мешают доверительным отношениям между ними. Достаточно сказать, что из общей суммы ущерба в 2.5 млрд. руб., причиненного в 2011 г. субъектами Северо-Кавказского федерального округа

СКФО А. Васильков. По его мнению, правоохранительные и следственные органы региона в ряде случаев затягивают расследование уголовных дел и не принимают должных мер по поиску и задержанию преступников (см.: *Шамиль Алиев.* Последний из сектора? // Черновик. 2012. 5 окт.).

²³ Только за 2011 г. в республике зарегистрировано 196 посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, 10 посягательств в отношении представителей власти, 11 – в отношении религиозных деятелей (см.: *Криминалитет наступает* // Дагестанская правда. 2012. 24 янв.); по данным “Кавказского узла”, в том же году в результате обстрелов, подрывов и боестолкновений убиты 111 сотрудников силовых органов, ранения получил 281 силовик. В 2010 г. эти цифры составляли 124 и 200 человек, соответственно. К тому же в 2011 г. жертвами вооруженного конфликта в Дагестане стали не менее 824 человек, из них 413 человек погибли и 411 получили ранения различной степени тяжести. По сравнению с 2010 г. число жертв выросло более чем на 20%, в минувшем году их было 685 (см.: <http://dagestan.kavkaz-uzel.ru/articles/198813/>).

²⁴ См.: *Епихин А.Ю.* Некоторые проблемы защиты пострадавшего // Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Под ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 207.

государственной казне, в порядке гражданского и уголовного судопроизводства возмещено лишь 2.8%, т.е. 69 млн руб. Такое, с позволения сказать, возмещение ущерба не может негативно не восприниматься окружающими, тем более – потерпевшими лицами.

Во многом объединяющим элементом, своего рода связующим звеном между теневой экономикой и латентной преступностью является коррупция. Борьба с ней в наши дни приобрела определяющее значение для всего хода последующего развития российского общества. Это – одно из центральных направлений деятельности не только всех правоохранительных, контрольных и надзорных органов, но и самого широкого круга общественности. Так называемая “вялотекущая” борьба с коррупцией – на самом деле это никакая не борьба с ней, а ее имитация, способная лишь приводить к повышению ставок в коррупционных отношениях, что, кстати, мы в наши дни и наблюдаем. Нужна решительная и наступательная борьба с коррупцией, которая может стать таковой при соблюдении по меньшей мере следующих условий.

Первое и, очевидно, самое сложное заключается в реальном исполнении конституционного принципа равенства граждан перед законом, когда все лица независимо от должностного, служебного, финансового и любого иного положения равны перед законом и подлежат юридической ответственности в зависимости от тяжести совершенного правонарушения. Реализация этого принципа позволила бы в течение относительно короткого периода времени добиться своего рода мини-революции в сознании людей, включая ту ее часть, которую именуют истеблишментом и которая продолжает наплевательски относиться не только, скажем, к Правилам дорожного движения, но и к более значимым законодательным актам. Для этого требуется всего лишь “малость” – четко сформулированная и каждодневно воплощаемая в жизнь политическая воля, направленная на достижение указанной цели на всех уровнях власти, особенно центральной.

Второе условие отчасти связано с первым. Относится оно к ужесточению ответственности не только государственных служащих, но и “священных коров” власти – лиц, замещающих государственные должности. Дело в том, что в наши дни прослеживается явное несоответствие мер ответственности указанных лиц занимаемому ими служебному положению (должности). Согласно статистике более 70% осужденных за взятки вполне удовлетворены условным наказа-

нием, штрафами или другими мерами, не связанными с лишением свободы²⁵. Очевидно, подобными либеральными мерами воздействия дело не решить. Не приходится сомневаться в том, что наибольшей ценностью, своего рода вождельным благом для данного круга лиц являются замещаемая ими государственная должность или занимаемое служебное положение, которые требуют от претендента определенных профессиональных знаний и навыков. По этой причине при злоупотреблении правом, связанном с использованием своих специальных знаний для совершения коррупционного преступления, думается, следовало бы узаконить пожизненный запрет на профессию с предельно гласным оповещением об этом в СМИ, в том числе и на профессиональных сайтах Интернета²⁶. Мы полагаем, что это могло бы явиться весьма действенным, хотя и суровым, инструментом противодействия коррупционным преступлениям.

Не менее эффективным средством профилактики коррупционных правонарушений, на наш взгляд, могло бы явиться восстановление в прежнем виде, т.е. как самостоятельного вида наказания, конфискации имущества. Более того, заслуживает внимания предложение о конфискации имущества и в тех случаях, когда коррупционер не сможет обосновать и доказать в суде законность его приобретения. Об этом неоднократно и подробно освещалось на страницах юридической литературы²⁷, но, к сожалению, к реальным результатам это не привело, кроме как к “усеченному” возрождению её в качестве иной меры уголовно-правового характера. Между тем это предложение соответствует ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, которая ратифицирована Российской Федерацией (исключая указанную статью), предусматривающей, что “при условии соблюдения своей Конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве

²⁵ См.: Ямшанов Б. Взятка с занесением // Росс. газ. 2012. 28 сент.

²⁶ Следует различать пожизненный запрет на профессию, который связан с использованием профессиональных (специальных) знаний в преступно-коррупционных целях, и временный запрет на занятие определенной должности или заниматься определенной деятельностью, который как самостоятельный вид наказания предусмотрен в УК РФ (ст. 47 УК) и применяется при злоупотреблении своей должностью (деятельностью).

²⁷ См.: об этом, в частности: Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Учебник для магистров. В 2-х т. Т. 1. Общая часть. М., 2012. С. 513.

уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать”.

Таким образом, институт незаконного обогащения должен стать важным правовым инструментом, с помощью которого можно было бы противодействовать теневой экономике и вести

наступательную борьбу с коррупционно-латентной преступностью.

И последнее. Успех борьбы с теневой экономикой, латентной и коррупционной преступностью нам видится в создании таких законодательных, организационно-управленческих, социально-политических, нравственно-психологических, этических и иных условий, при которых не только экономика, но и все российское общество вышли бы из тени.